

Вячеслав Тірах

*Женищина
с портретом на коже*

Вячеслав Прах

Женщина с портретом на коже

«Издательские решения»

2015

Прах В.

Женщина с портретом на коже / В. Прах — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-457-90531-3

Вы закрывали когда-нибудь в своих ладонях бабочку? Она порхала изо всех сил, оставляя на ваших руках часть своего цвета? Нам так важно — прикоснуться к чему-то более прекрасному, чем мы сами. Нам так свойственно это прекрасное убивать.

ISBN 978-5-457-90531-3

© Прах В., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть вторая. Утро в саду	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Женщина с портретом на коже

Вячеслав Прах

© Вячеслав Прах, 2015

© Вячеслав Прах, фотографии, 2015

Редактор Ляля Леонидовна Левещенко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Герои:

1 – Март.

Я влюблен. Нет, вы меня совсем не поняли. Я до смерти безответно влюблен.

2 – Ляля.

Я испытала на себе нежность рук мужских. До беспамьятства я теряла рассудок.

3 – Погубленная.

Я сделала все, что могла. И чего не могла. Не губи меня больше.

4 – Художник.

Меня восхищают человеческие чувства. Только переживая эмоции, можно передать всю свою суть.

Это такая свобода: быть запертым в собственном сундуке. А ключ от него носить у себя на шее.

Я – автор данной повести, ее главный лжец. По совместительству – лютый борец за правду. Я ценитель того, что было всегда в дефиците. И яркий пример – чего не было вовсе. Я влюблен. Нет, вы меня совсем не поняли. Я до смерти безответно влюблен.

(Март).

1.

Высшая степень эгоизма, она же – последняя стадия трусости требовать от человека любви нечеловеческой, но при этом тайно его ненавидеть. Омерзительная нечистоплотность целовать теплое, красивое тело, которое не приносит тебе удовольствия. Подобно цветочному запаху, манящему своим запретным ароматом. Ты сорвал его, чтобы вдохнуть. А он не пахнет ничем.

Терпкое ничтожество или величайшее обоняние, зависимое от прелести носа и его величины.

Иными словами – я ее не любил.

– Перестань, перестань.

В который раз она плакала без причины.

– Улыбнись. Улыбайся. Вот...

Мне не хотелось, чтобы соседи услышали. Я стыдился ее слез.

Она играла для меня музыку, безмолвно играла, будто хотела утаить что-то сокровенное. К чему я не был готов. Мимо нот, я не слышал ее клавиши. Ее руки были глухи.

Иногда бессонной, тихой ночью, когда она меня не слышала, я задавал себе вопрос. Как бы я отреагировал на то, что одним ранним утром она забрала свои платья, милый детский альбом. И, не объяснив мне причин, попрощалась. Наверное, ревниво. Я не могу представить, как она смеется. Ее смех равносителен предательству ко мне. А он бы ее смешил. Дарил ей цветы, хвалил ее голос. Цвет волос и даже грудь, которой она безмерно была недовольна. У нее прекрасная грудь. Мне болезненно даже подумать, как он притрагивается к ее шее. Берет ее за талию. Свежие простыни. Новые запахи гари... Он отвратителен. От первых морщин до мизинца она принадлежит только мне.

Я не предавал ее, а всего лишь влюблялся в другую...

«Просторная, светлая комната с видом на черную реку. Высокие потолки. Окна от пола. Воздух пропитан запахом красок. Она думает, что я одинок. Я думаю, что никогда не осмелюсь привести ее в свой дом. Как это безнадежно... Я проснулся в семь утра и открыл окно. А Она у стены рисовала... Ляля... У нее имя такое. Художница. Это страсть ее – рисовать людей. Красивых людей. Я даже не представляю, по каким меркам она оценивала их красоту. Все ее портреты были такими разными. Совершенно не похожими на ее предыдущие работы. Возможно, она видела то, чего я никак не мог рассмотреть. Я проснулся в семь утра и открыл окно. А Она у стены рисовала... Мы ложились с ней вместе, а просыпалась каждое утро одна. Будто меня и не было вовсе.

– Что тебе сегодня снилось?

– Мне каждую ночь снишься ты.

Для нее это не было тайной. Пропустила мимо себя.

– Я проснулась в три ночи и смотрела на молнии. Думала. Мне никак не спалось. Я достала кисти и чистый холст. Вспомнила, как зеленоглазая девушка пела вчера у Невы. О, какой у нее был голос. Какие запоминающиеся черты. Мне понравились ее тонкие губы. Она пела так трепетно, тихо, но звонко. Как колокольчик от капли росы.

Смотрит в зеркало и вытирает краски с лица.

– Она отдавалась так девственно, будто впервые. Мне казалось, что каждый перенял на себя часть ее кричащей души. Она с нами делилась, ей было не жалко. Ее каждый зритель смущал.

Чистая... В ее голосе было что-то другое, не грусть. Нет. Я так хотела забрать ее к себе. Обходить, успокоить. Любоваться ее красотой. Нежно, по-женски погладить и слегка, по-мужски защитить. А на утро я бы выпустила ее на волю.

Ляля отодвинула картину к стене.

– Я полюбила ее обнаженное тело. Мне даже не вспомнить, во что она одета была».

Март спрятал блокнот и угостил прохожего сигаретой. На улице все еще было прохладно от вчерашней грозы. Пора возвращаться домой.

2.

Я испытала на себе нежность рук мужских. До беспамятства я теряла рассудок.

(Ляля).

Брезгливость. Я не могу больше переносить этот запах. Вся моя комната пропитана вонью. Он пробрался в каждый ее угол. Все чаще я стала зажигать за ним свечи. А иногда меня спасает окно.

Писатель. Табу. Табу. Дура! Меня покорила его первый рассказ.

Достает с верхней полки маленькую книжечку. Открыла:

«Вы закрывали когда-нибудь в своих ладонях бабочку? Она порхала изо всех сил, оставляя на ваших руках часть своего цвета?»

Нам так важно – прикоснуться к чему-то более прекрасному, чем мы сами. Нам так свойственно это прекрасное убивать».

Перелистнула на третью страницу (волнуется). Пробежалась глазами по подчеркнутому тексту. Ляля всегда подчеркивала карандашом то, что она разделяла на маленькие кусочки. Смаковала. Растягивала удовольствие. И через какое-то время она всегда возвращалась к этому снова. А еще она любила закрывать книгу на самом интересном месте и придумывать ее продолжение. В книге вкуснее всего – запах недочитанных страниц.

«Я закрываю глаза на многие ее прелести. Боязнь познать ее совершенство. Раскрыть ее полностью. Ведь когда я узнаю, что все мужчины вокруг хотят завладеть ею – это сведет меня с ума».

После этого рассказа я захотела увидеть автора, услышать его голос. Пробраться к нему в глаза, чтобы увидеть ту «бабочку», в которой я открыла себя. Грустную, томную бабочку, которой в спину бросали камни. А она эти камни брала, собирала и складывала у ног. Осторожно, чтобы, в который раз, не споткнуться. Веселую, трепетную, окрыленную... В малиновом платье. Цветущую, настоящую. Так пьянко, так горько мне всегда от нее. И чем ярче она становилась, тем труднее было оголять свои плечи.

Она, как и я – заложница рук.

Да, я увидела автора. Услышала его самовлюбленный, высокий голос. И даже заглянула в книгу его собственными глазами. Разочаровалась. Он писал совсем о другом. Как жаль. Лучше бы я его никогда не встречала.

Он возвращается вновь, я больше не спрашиваю его о бабочке, а только молча рисую. Когда у меня нет ничего, я достаю свои краски. Они – мое небо, они – мои крылья. Они – моя кровь.

Он влюблен, он меня отвлекает. Я клянусь ему, чтобы он не писал обо мне.

3.

Я сделала все, что могла. И чего не могла. Не губи меня больше.

(Погубленная).

Я отдала тебе свою жизнь. Ты не принял ее. Как и не принимал все, что я для тебя делала. Март! Милый мой, солнечный Март. Я перестала для тебя петь. И смирилась с тем, что у меня голоса нет. Нет души. Я никогда не поверю, что у тебя просто нет слуха. Мой Великий писатель. Я взяла грех полюбить твой талант. А что я... Я ничтожна, бездарна. И ко всему же – еще не любима.

Я сегодня хотела покончить с собой. Нет, ты меня не жалея. Не суди меня, нежный. Не сумасшедшая и ничуть не больна. Я просто не знаю, как это – принадлежать только себе. Ты меня всему научил. А это покрыл тайной. Пусть так. Я тебя не виню. Пусть так. Я тебя ни за что не посмею.

Я стояла и пела. Прости меня, слабую. Я стояла, прислонившись к перилам. Ты однажды махнул рукой на Неву, и я перестала приходить и смотреть на стихию. Мою безмолвную, уходящую вдаль. Я с юности к ней приходила. Ты меня не поймешь. Не пытайся. Да и это не важно...

На меня смотрели. Представляешь, люди останавливались, чтобы послушать мою песню. Я очень тихо пела, но мне кажется, что каждый из них меня услышал. Я думала, чем лучше их слух твоего. Я мечтала, чтобы ты один там стоял. Где же ты был, моя Муза?

Когда все ушли, я лежала на спине. Среди моих любимых, желтых лилий. С чего ты взял, что я любила пионы? Я их принимала. Всего лишь... Ясное небо. А к вечеру будет гроза. Я лежала, но больше не пела.

На девятый рассвет.

Март постучался в знакомую дверь. Его стук она узнала не потому, что он был каким-то особенным. Дело в том, что он всегда стучал трижды. Ляля его таким не помнила. Нет, зашел Март. Но как бы смерть пошутила над ним: он был как будто при жизни. Бледный, истомленный каким-то тяжелым недугом: его глаза были затоплены горем. В руках его дрожало письмо.

Тогда на пороге человек без лица не знал, что к его возлюбленной подселился кто-то еще. Кто-то, чье обнаженное тело обрело новый дом.

Март побледнел, когда увидел портрет.

Часть вторая. Утро в саду

В детстве Ляля была трудным ребенком. Закрытым. Но это совсем не значит, что она держалась всегда в стороне. Наоборот, ее талант – просочиться в любую компанию и занять в ней почетное место. Девочка с таким редким именем не была обделена вниманием сверстников. Она входила в роль. И имя, данное ей при рождении, становилось тем самым образом в ее жизни, которому она стремилась соответствовать. Взрослые же, напротив, всегда ограждали ее от себя. Иногда она могла сказать такое, что не укладывалось в их голове. Но ее не воспринимали всерьез. Дети тянулись к ней, как к старшему товарищу. Ей всегда было чем их удивить. Она видела мир по-другому.

В двенадцать лет она попыталась броситься из окна. Твердая рука мамы ее удержала. Ее вечный ангел-хранитель так и не узнала, что стало причиной. Возможно, она увидела или услышала то, что ей не стоило бы знать. Дети в таком возрасте слишком восприимчивы, слишком тонки. Их кожа еще не огрубела. Не стану делиться догадками – она никому ничего не сказала.

Еще, будучи юным подростком, Ляля твердо решила: всем и всегда говорить только правду. Какой бы обидной она ни была. Это был ее выбор. За это она не раз приходила домой в синяках. А однажды старшеклассницы ей даже сломали нос. Она не пожаловалась. И этим случаем безмерно гордилась. Немного старше она воспитала в себе мальчишку. Лютого, задиристого и слегка романтического. Мальчишку.

Самый короткий рассказ о женской любви. Всего три предложения:

«В двадцать два к ней прикоснулась мужская рука. В двадцать девять она полюбила. В тридцать три она дала клятву – жить!»

2.

Я вновь цепляюсь за жизнь. Я не бабочка. И больше ею не стану. Я испытываю яростную ненависть к моим краскам. К моим картинам. К чужим картинам. К художникам и тому, что их вдохновляет. Меня больше нет. Исчезла. Я никогда не возьму в руки холст.

(сидит в яблочном саду на скамье).

Какое странное утро. В это время я рисовала. Отдавала первым лучам свое тело, а взамен не брала ничего. Лишь одна капля краски и утро замерло на вдохе. Последняя капля – и его уже нет. Я никогда не наслаждалась рассветом. Не вслушивалась, как просыпалась от спячки жизнь. Люди. Птицы. Деревья. Слова. Для меня утро было всего лишь декорацией. Которой на смену приходила другая.

– И чем люди занимаются поутру?

(произнесла вслух).

– Спят или идут на работу. И то, и другое, равным счетом, не приносит им ничего.

(молодой парень, с лицом недоедающего, подсел рядом с ней).

И откуда он взялся?

– Мы с Вами знакомы?

– Нет.

Ляля не желала философствовать вдвоем. Его присутствие ее тяготило.

(спросил):

– Что у Вас?

– Депрессия.

– А у Вас?

- Шизофрения.
- Очень приятно.
- Взаимно.
- Если что, не удивляйтесь, если я вдруг исчезну.
- Хорошо.

У нее всегда было особое чувство юмора. А у него, похоже, его не было вовсе.

Ляля не соврала, она действительно лечила депрессию. В приют для душевнобольных она пришла сама. И уйти, как доктор сказал, она могла в любой день. Только ей это было не к спеху. Такое странное состояние для человека, у которого никого нет. Ни мамы, которая могла бы всегда выслушать и дать мудрый совет. Ни отца, который разрушил бы весь мир, лишь бы она никогда не плакала. Ни друга. Особенно друга. Ей было некуда пойти и поэтому она выбрала для себя другой мир. Он отличался от привычного тем, что люди считали себя здоровыми. И не стыдились об этом заявить. Вокруг нее не было ни одного больного человека. Только она. Ляля не чувствовала здесь себя лишней.

Быть ближе к своей душе. Понять, что ты есть, а не чем хотел все время казаться. В таком странном и тихом месте ты вдруг находишь свой дом. Тебе здесь хорошо и спокойно. Ты отдыхаешь от слов. От вечного шума автомобилей. От людей, которых ты давно хотел отгородить от себя. Но никак не решался. Здесь с каждым днем память становится более размытой. Воспоминания теряют свой контраст. И люди кругом безобидные. Старики, молодые; крепкие, грубоватые на вид мужчины с добрыми, детскими глазами; юные женщины со взрослым, потерянным взглядом; дети. Даже дети.

(начался дождь).

Ляля встала под яблоню и начала гладить мокрые листья.

(подошел доктор).

– Пойдемте внутрь. Вы пропустите ужин.

– Ничего.

(безразлично).

– Как Вы себя чувствуете?

– Хорошо, очень хорошо.

(доктор)

– Свежий воздух Вам должен помочь. А здоровый сон укрепит Ваше тело.

(тишина). Дождь становился сильнее.

– Ну-у что же. Когда надумаете нас покинуть, сообщите.

– Непременно.

Человек в белом халате медленно удалился.

Теплая апрельская ночь. Легкий ветерок время от времени стучал в открытое окно и наполнял комнату свежестью. Пахучий аромат цветущих яблонь доносился из сада. И в какой-то момент Ляля осознала, что там, за забором, нет ничего. Ничего, что заставило бы ее вернуться.

Этой ночью у нее был гость. Совсем юная девушка Линда была ее единственным другом. Той верной отдушиной, с которой можно было выйти к озеру и покричать. Громко, чтобы все вокруг слышали. А потом пару дней ходить с больным горлом и хрипло смеяться. А бывало, они часами сидели молча. Каждый по-своему, им было о чем помолчать. Несмотря на большую разницу в возрасте, Ляля разговаривала с ней свободно, на равных. Как со своей младшей сестрой. Но даже Линда ее иногда утомляла.

– Ляля, Лялечка, помоги мне.

Рыжеволосая, смешная и такая теплая. (растерянно забежала к ней).

– Что случилось, моя дорогая?

– Я знаю, ты мне не поверишь. Но я снова видела бабушку, она стояла над кроватью и смотрела на меня. Я так испугалась.

(обняла, как ребенка, которого у нее никогда не было).

– Тише, милая, тише. Наши родные иногда навещают нас. В этом нет ничего страшного. Тише! Они всегда приходят такими, какими мы запомнили их.

– Я больше не хочу, чтобы она приходила.

«Как я тебя понимаю». (не сказала этого вслух).

Тишина. Озеро. Сад. Тишина. Новое утро. Сад. Озеро. Тишина.

Уже третий день бессонница тревожила ее сон. За все это время снотворное не подвело ни разу. Кроме трех этих дней. Все дело в том, что молодой человек, который подсел тогда в саду на скамейку, на днях подошел к ней еще раз. Его просьба была очень странной.

– Вы позволите мне рисовать на Вашем обнаженном теле?

Все это предложение Ляля разобрала по словам. Чтобы найти в нем тайный смысл. Вслушивалась между строк. Очевидно, он хотел сказать что-то другое.

– Что, простите?

– Вы меня верно услышали.

Ляля никогда бы не согласилась исполнить такую просьбу. Будь он самым обаятельным мужчиной на земле. Будь он гениальным художником. Никогда. Табу!

– Я готова стать твоим холстом.

Страсть. Это была страсть. Такая глубокая, непознанная ранее. Жажда познать что-то новое, такая губительная жадность к краскам. Он рисовал на ее шее. Уверенно, твердо. Мазок кистью – и она живая. Его эмоции, слияние ее красивого, желанного тела с его вдохновением. Она наслаждалась собой. Чувствовала каждую линию. Его возбуждение. Запахи. Вдохи. Она была в его плену.

Его тело впитывало в себя живую картину. Он вливался в то, что писал. Видел, как все его образы проходят через него. Растворяются в теле. Целовать раскаленное солнце, оно ее грудь обжигало. Целовать ее шею, шею лебедя белого. Целовать ее перья. Он открыл ей глаза...

Эта ночь останется вечной. Она запомнит ее навсегда.

– У тебя действительно шизофрения?

– Да.

– И ты слышишь голоса?

– Нет, – рассмеялся.

(пауза).

Их тела были в краске. Их лица, руки и даже губы. Разноцветная простынь. Черно-белые сны.

Его выписали утром, а Ляля в это время спала. Прощания не было. Не было того заветного поцелуя в лоб и той тайной искры «остаться».

Как бы безумно это ни звучало, но факт оставался фактом. Его вылечи, а ее нет.

– Прощай, Ляля.

(тихо захлопнулась дверь).

Когда она проснулась, на подушке возле ее лица лежало большое лебединое перо.

1.

«Здравствуй.

Я ночь провел у твоих окон, надеялся, что вдруг загорится свет. Ты подойдешь к окну, я увижу тебя и на душе станет спокойно.

Март».

«Здравствуй, Ляля.

Я стучусь каждый день. На меня жалуются твои соседи. Говорят, что давно не видели тебя. Я принес еды. Возьми, я поставил под дверь. Обещаю больше тебя не тревожить.

Можешь не благодарить.

Твой, Март».

«Ты уехала из города? Где ты? Напиши мне свой адрес. Прошу, дай мне короткий ответ. Хочешь, я приеду и отвезу тебя во Францию. Ты полюбишь Париж, увидишь другой мир и губы твои станут теплее. Твои глаза станут чище, я буду беречь твои слезы. Ревновать к проходящим мимо французам и все время тебя целовать. Ты забудешь обо всем, мы увидим весь мир. В каждой стране мы оставим роман. Талантливой, яркой художницы и самого счастливого писателя. Прошу, дай всего один шанс.

С нетерпением жду ответа. Уже представил, как буду целовать твое письмо.

Март».

2.

Женское любопытство настолько капризно, что Ляля без боя ему поддалась. Вечером незаметно она пробралась в архив, без ведома заняв ключ на посту дежурного. Ей хотелось знать больше о нем.

Та информация, которую ей удалось раздобыть, несколько удивила Лялю. Он выглядел старше своих двадцати двух. И с диагнозом он соврал. У нее никак не укладывалось в голове его поведение. Пусть его просьба была странной, пусть с виду он бледен, тоще-больной и не располагает к себе ни на шаг. Но шизофреников Ляля представляла себе совсем по-другому. Полумертвыми, не принадлежащими собственному телу, и постоянно в бреде. Этот же был совершенно другим.

– Линда, небо мое, я покидаю тебя.

– А когда ты вернешься?

Ляля так не хотела ей врать.

– Спасибо тебе за прогулки. За долгие вечера и короткие ночи. За молчаливого, верного друга, который останется в моей памяти навеки. Я буду вспоминать тебя добрым словом. Я так благодарна тебе!

(коротко обняла и ушла без оглядки из сада). Яблони уже отцвели.

Как давно она не была за забором. Недели, месяц. Год? В какой-то момент время остановилось. Затаило свое обыденное, ровное дыхание. Вдохи стали глубже, вкуснее. И ты больше не слышишь ничего, кроме собственного голоса. Мир будто оглох, а ты продолжаешь петь. Без какой-либо музыки. Тот эффект наполнения себя, когда важны детали. Если бы слепому вернули зрение, это выглядело бы именно так.

Сердце стучало, как никогда. Ноги заметно дрожали. Ее охватил страх. Ляля боялась переходить улицу, ее пугали звуки машин. Она заблуждалась, что вокруг все должно измениться. Улицы, небо, деревья, птицы. Люди. Особенно люди. Она чувствовала себя лишней. (присела на холодный бордюр).

– Девушка, здесь запрещено сидеть. Немедленно встаньте!

Как трудно ей удалось усмирить гордыню. Того злого, вечно голодного демона. Он мог, порой, впитаться в самое безобидное слово. Мертвой хваткой вцепиться в горло и не отпускать до тех пор, пока ее голос звучит тоном ниже его.

Нет, Ляля. Стоп!

(замедлила шаг). Темнело кругом.

С чего ты взяла, что все вокруг тебе чем-то обязаны. Разве виноваты они, что ты ждала от них большего. «Здравствуйте все. Я вернулась. Пригрейте меня своей добротой». Как давно я забыла, что в этом городе и без меня есть кого отогреть. Каждый из них болен чем-то серьезным, при этом любым пустяком излечим. Но беда в том, что это заразно.

(успокоилась).

Напевает старые, забытые куплеты. Люди оборачиваются и все не поймут. Что с ней? (улыбается).

Прежде, чем открыть дверь, она постучалась. Представляя себе тот момент, как ей радостно открывают. Окрыляют простыми словами «как тебя не хватало».

(замечталась).

Ответа, разумеется, не последовало. Достала ключ из кармана.

(вошла).

На полу у двери лежало три белых конверта. Ляля, в ожидании чуда, посмотрела, от кого они. Внезапная радость вылетела через окно. Вместе с их отправителем.

– Я вернулась, мое Восхищение.

Она не узнала свою зеленоглазую музу. Та будто бы постарела. Появились небольшие круги под глазами, волосы казались короче и уже не касались ее поясницы. Глаза стали менее живыми. Зеленые имели какой-то сероватый оттенок. Верхняя губа приподнялась. Лицо выдавало тревожное беспокойство.

– Прости. На секунду я тебя не признала. Когда ты успела отдать свою красоту? И кому?

4.

Монолог Художника.

Меня восхищают человеческие чувства. Только переживая эмоции, можно передать всю свою суть. Встать и распахнуть себя, как нечто совершенно прекрасное. Возродиться. Открыть свое истинное лицо.

Равнодушие – это болезнь. И я сожалею, что в медицине не ставят этот диагноз. В жизни, полной запахов, цветов и музыки, перед которой, порой, бывают бессильны наши огрубевшие струны. Остаться слепым, глухим и немым – болезнь куда страшнее, чем жить

в выдуманном мире. Потерять вкус ко всему – как лишиться пальцев на обеих руках. У тебя все еще есть руки, а вот притронуться к чему-либо ты уже не в силах. Сродни переломанных ног, отгородить всех от себя безразличием. И когда ты будешь стоять на краю, никто не схватит тебя за руку и пощечиной не приведет тебя к жизни. Тем, сломленным, на рыхлой земле, протез больше не нужен.

Монолог Ляли.

Я была такой же, как ты. Ты – мое зеркало и том прежних пороков. Я думаю, что Господь послал тебя, чтобы показать, кем я была и что со мной стало теперь. Ты прекрасен, как никто другой. Яркое, раскаленное солнце, как тогда у меня на груди. Бледная улица. Тени кругом, и тут ты идешь. И лишь над тобой оно светит ярче. Меня сломали! Нет, не враги. Меня погубили самые близкие люди. Я отчаялась от того, что они желали мне лучшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.